

бительной в Болгарии,²⁵ а не по византийской, привычной для русского летописца. Возможно, что это был компилятивный труд, составленный на основе византийских хроник, в первую очередь Хроники Амартола, с добавлением чисто местного материала.

Допустив наличие у летописца такого источника, мы легко объясним многое, пока загадочное в ПВЛ. Становится ясным происхождение сообщения о крещении всей земли Болгарской в 6377 г., «интерес» летописи к истории Болгарии, когда ее как политической единицы не существовало, отсутствие каких-либо пояснений при имени Симеон²⁶ и т. д.

Быть может, первоначально русская летопись содержала большее число сведений по истории соседней славянской державы, но они были частично выброшены последующими редакторами и переписчиками. На эту мысль наводит отрывочность болгарских записей, их явно слабая связь со всем изложением ПВЛ.

---

²⁵ Новейшую сводку данных по этому вопросу см. К. Куйев. Към въпроса за началото на славянската писменост — Годишник на Софийския университет, Филологически факултет, т. IV, 1, София, 1960, стр. 1—107.

²⁶ Имя Симеона упомянуто в ПВЛ семь раз, но лишь однажды он назван «Симеоном Болгарским», без пояснения, кто он такой, тогда как в Хронике Амартола это имя сопровождается титулом «князь (царь) болгарский». Правда, в статье 6450 г. сказано «Симеон . . . умре, оставив Петра князя, сына своего, болгаром» (ПВЛ, т. 1, стр. 33). Но в Ипатьевской летописи последнее слово опущено (ПСРЛ, т. II, вып. 1. Изд. 3-е. Пгр., 1923, стлб. 35). Возможно, Ипатьевская летопись сохранила первичное чтение. Невероятно, чтобы русскому книжнику XI—начала XII в. имя Симеона представлялось настолько общеизвестным, что он не счел нужным давать какие-либо разъяснения на сей счет.